

Социальная конструкция ретроактивного морального статуса эмбрионов человека (гипотеза)¹

1. В обществе существует острый *конфликт признания* эмбрионов и плодов человека в качестве субъектов морали и права – являются ли они личностями или вещами особого рода. Исторически источником конфликта стала проблема легализации аборта в США в середине 60х годов прошлого века, у нас несколько позже. С новой силой этот конфликт сегодня вспыхивает в связи с развитием технологий редактирования генома человека, претендующих на роль многообещающей формы оказания медицинской помощи в контексте быстро развивающейся пренатальной медицины.

2. В светской и религиозной традиции есть три основные идейные позиции, определяющие морально-правовой статус эмбрионов и плодов человека: а) консервативная позиция, считающая, что с момента зачатия человек выступает в качестве личности (на него распространяется принцип «не убий!»); б) градуалистская позиция, рассматривающая постепенный процесс нарастания прав плода (право на жизнь имплицитно нарастает по мере ограничения прав на аборт плода, но не конституирует его правоспособности); в) либеральная позиция, рассматривающая нерожденное существо (эмбрион и плод) в качестве особого рода «вещи», которая правом на жизнь не обладает. В российском и ряде других законодательств правоспособность человека определяется рождением (актом регистрации гражданского состояния – «свидетельством о рождении»).

3. Общим *основанием* этих морально-правовых позиций (и светских, и религиозных) выступает *натуралистическая установка* – статус связывается с определённой стадией индивидуального развития так, что аргументация в пользу или против конкретной позиции сводится к указанию на те или иные биологические свойства эмбрионов и плодов человека. Обсудим проблемы консервативной и либеральной позиции, предполагая, что градуалистская позиция сочетает особенности первых двух.

4. **Основным недостатком консервативной позиции** можно считать этико-правовую непоследовательность. Назвав зачатого эмбриона личностью, и распространив на нее право «не убий!», её сторонники не считают нужным рассмотреть иные права столь же необходимым образом принадлежащие личности. В первую очередь – *право на милосердие*, которое в светском мире выражается *правом на охрану здоровья* и оказания медицинской помощи. *Неоказание медицинской помощи* личности в случае ее возможности квалифицируется в категориях морального проступка или даже преступления врача. Если мы можем помочь эмбриону как личности способствовать его здоровому рождению и здоровой жизни, то данное обстоятельство *конституирует* наш *долг* совершить эти процедуры. Необходимо так же будет признать его *право на достойную смерть и погребение* и, тем самым, изъять из «отходов класса «Б», в которые невостробованные эмбрионы и абортированные человеческие плоды

¹ Проект РФФИ № 18-29-14100 мк. Состояние и перспективы правового регулирования и саморегулирования геномных исследований: национальный, зарубежный и международный опыт

автоматически попадают вместе с отходами скотобоев, мясокомбинатов, трупами животных, найденных на улице, и т.д. Консервативная позиция нуждается в серьёзной модернизации, если она действительно, а не на словах защищает статус эмбрионов и плодов в качестве личностей. Подтверждением послужит следующий казус.

5. Википедия. «Вечером 22 июля 2012 года около посёлка Аник, примерно в пяти километрах от трассы Екатеринбург – местными жителями в лесном овраге были обнаружены четыре пластиковые бочки с человеческими эмбрионами. На место происшествия выехала следственно-оперативная группа в составе сотрудников Невьянского ОВД, эксперта-криминалиста и представителей территориального следственного отдела СУ СК России по Свердловской области. Прибывшие полицейские насчитали более 50 человеческих эмбрионов, обработанных формалином и помеченных бирками. На некоторых хорошо сохранившихся бирках можно было прочесть числа 14, 24, 27, 40. При падении в овраг с бочек соскочили крышки, и часть содержимого ёмкостей оказалась на земле». (Автор статьи ошибочно называет абортированные плоды эмбрионами – П.Т.).

6. Варварское отношение к абортированным плодам вызвало справедливое широкое возмущение и среди верующих людей, и среди светских представителей власти и общественности. Однако, замечу, что несмотря на возмущение, не изменился общий порядок утилизации абортированных плодов как «отходов класса Б» вместе с отходами мясокомбинатов, скотобоев и т.д. Они не были захоронены как «личности».

7. **Основной недостаток либеральной позиции** заключается в том, что рассматривая эмбрион человека инструментально в качестве своеобразного изделия, врачи и биотехнологи *снимают с себя ответственность* за проблемы со здоровьем, которые могут быть вызваны их действиями, но проявиться после рождения ребёнка. Эмбрионы и плоды в качестве вещей в нашем и зарубежном законодательстве правоспособностью не обладают. Поэтому, за ущерб, нанесённый до рождения, соответствующие субъекты ответственности не несут. Отметим, что это касается не только субъектов редактирования генома человека, но и всей бурно развивающейся новой области – пренатальной медицины. Вероятно, необходимо создание цивилизованных механизмов *страхования врачебной и биотехнологической ответственности* в данной области. Однако, развитие этой практики будет означать признание эмбрионов и плодов в качестве особого рода личностей, т.е. ограничение инструменталистского отношения к их благополучию.

8. «Показательно иллюстрирует ситуацию пример, приведенный И. Х. Бабаджановым и М. В. Сальниковым: не удалось получить компенсацию ребёнку, при рождении которого во время операции кесарева сечения была нанесена глубокая резаная рана левой щеки, что повлекло за собой болезненные ощущения и неизгладимое обезображивание лица. В судебном заседании речь шла только о моральном вреде, причинённом родителям, так как судебная практика не признает правосубъектность неродившегося ребёнка» (Фомина О.Ю., 2019).

9. Пока мы имеем следующую ситуацию: «В российской правовой системе в случае, если редактирование генома было произведено у эмбриона человека, отсутствует возможность обратиться за защитой своего права в суд (в случае необходимости) как у самого родившегося человека, так и у других лиц в его интересах по причине определения момента возникновения гражданской правоспособности рождением, что, очевидно, не отвечает критериям справедливости [Фомина 2019, 40]». Причем не только *справедливости* в отношении будущих детей, но и профессиональной *ответственности* за совершенные действия. Необходимо развивать цивилизованные механизмы страхования ответственности в этой области. Если сторонники биотехнологического прогресса уверены в эффективности и безопасности своих манипуляций, то им нет оснований опасаться установления норм профессиональной *ответственности* за клинические результаты, совершенных ими действий. Только в горизонте возможной ответственности за неудачи своих манипуляций можно будет с доверием отнестись к заверениям биотехнологов об их эффективности и безопасности.

10. Необходимость руководствоваться принципами *справедливости* и *ответственности* обеспечивает основание для социального *признания* и, соответственно, *социального конструирования* морального статуса эмбрионов и плодов, в отношении которых осуществляются те или иные вмешательства (в том числе и процедуры редактирования генома). Возможно, что в не очень отдалённом будущем возникнут новые акты регистрации гражданского состояния типа «свидетельства о зачатии» (приобретение статуса эмбриона) или «свидетельства об имплантации» (приобретение статуса плода). Обратим внимание, что словосочетание «родиться на свет» в самом прямом смысле означает – «стать видимым». С развитием всевозможных технологий научной *визуализации* человек будет значительно раньше «появляться на свет» – возможно, сначала в чашке Петри в качестве эмбриона, а потом и в утробе матери в качестве плода.

11. Будучи узнан и признан, *новый человек – новое творческое начало* по Х. Арндт, получит соответствующие права, включая правоспособность. Но это, скорее всего, вопрос к будущему. Сегодня можно предложить компромиссную модель, взяв за основу регламентацию Гражданского права, рассматривающую наследника *собственником с момента зачатия*, но наделяющего его правосубъектностью *с момента рождения* – ретроактивно. «Статья 1116. Лица, которые могут призываться к наследованию. К наследованию могут призываться граждане, находящиеся в живых в момент открытия наследства, а также *зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства* (курсив наш)». Следует подчеркнуть, что исторически подобного рода статус зачатого эмбриона был сформулирован в римском праве, в средние века он был дополнен правом эмбриона на очерёдность престолонаследия, многие государства сегодня сохраняют эту парадоксальную формулировку ретроактивной субъектности.

12. Гипотеза ретроактивного морального статуса эмбрионов и плодов в качестве *особого рода* личностей может рассматриваться в данном контексте как необходимый компромисс, который позволит

вписать предлагаемую инновацию в уже существующую правовую систему и правоприменительную практику с целью обеспечения ответственного применения технологий пренатальной медицины, включая технологии редактирования генома эмбрионов человека.

13. Моральную недостаточность инструменталистского отношения художественно описывает М. Булгаков в повести «Собачье сердце». Профессор Преображенский "играет в Бога" дважды преступив антропологическую границу между вещью (пусть даже и живой) и человеком. Первый раз, решая научные проблемы омоложения людей путём пересадки гипофиза и семенников он преобразовал собаку (Шарика) в человека. Второй раз совершил обратную операцию, превратив человека (Шарикова) в собаку. Эта вторая операция по превращению человека в собаку была возможна лишь в том случае, если этого человека профессор воспринимал чисто инструментально, как ремонтпригодный механизм. Своё неудачное изделие, не имеющее никакой ценности в качестве личности, он без всяких угрызений совести возвращает в исходное животное состояние. По сути, биотехнологические манипуляции с эмбрионами, которые предполагают их уничтожение в случае неудачи на преимплантационной стадии, как и абортирование плодов на этапе внутриутробного развития вполне соответствуют логике и морали инструментального отношения. На какой стадии индивидуального развития биотехнолог, редактирующий геном должен остановиться от уничтожения неудавшегося изделия? Ведь неудача редактирования генома может проявиться и после рождения. Наиболее радикальные сторонники инструменталистского отношения к человеческой жизни вполне допускают инфантицид до момента появления речи (сознания) [Tooley 1972].

14. Инструментализация жизни эмбрионов и плодов порождает и иную проблему, на которую обращает внимание Ю. Хабермас. Дело в том, что оценка результатов улучшения генома эмбриона как «нежелательных» может прозвучать не только со стороны биотехнологов и врачей, но и со стороны самого «изделия» или его «заказчиков». Как только потомки начнут сознавать себя в качестве изделий, то возникнет возможность, что они "могут потребовать отчета от создателей своих геномов, возложив на них всю ответственность за нежелательные, с их точки зрения, последствия исходного органического состояния истории их жизни" [Хабермас 2002, 24]. Иски по поводу некачественной жизни (wrongful life) феномен не новый [Pelias 1989]. Однако, в ситуациях применения технологий редактирования генома эмбриона они (иски) могут приобрести значительно *большой* масштаб.

15. Воздерживаясь от тотальной инструментализации человека, превращения его в ремонтпригодную вещь, мы, по Хабермасу, тем самым сохраняем, гарантируемое принципом natalности, по Арндт, пространство свободы, личностного и межличностного существования и ответственного применения биотехнологий.

16. Предполагается так же, что момент *рождения на свет* (визуализации субъекта), который возвратно наделяет эмбрион правосубъектностью, может измениться как результат научно-технологического прогресса. Напомню, что *рождение на свет* хоть и выглядит своеобразным «фактом»,

но по сути является сложным культурно специфическим *социальным актом признания* нового существа в качестве одного из нас - граждан. В нашем светском сообществе этот акт обосновывается медицинским заключением о живорожденности и актом регистрации гражданского состояния – свидетельством о рождении. Это, по сути, - акт социального конструирования идентичности (субъектности), сопровождающийся его именованием. В христианском мире аналогичен акт крещения (именования) – «некрещёный ребёнок, что чертёнок».

17. С развитием биотехнологий визуализации *рождение на свет* либо сдвинется ближе к моменту оплодотворения и, или имплантации, либо даже к моменту первого биотехнологического вмешательства в половые клетки будущих родителей. Свет естественной визуализации заменяется много-*светьем* искусственных.

18. Вполне допускаю возможность в будущем регистрацию акта гражданского состояния - свидетельства о зачатии – *рождение на свет* в чашке Петри, или акта гражданского состояния – свидетельства об имплантации как рождение на свет для комплекса технологий. По аналогии с внутриутробным дородовым крещением можно предположить возможность крещения в чашке Петри, именовании эмбриона, придании ему соответствующего статуса.

19. Конституирующим статусом *ещё незачатого ребёнка* выступит действие биотехнолога, в ответ на запрос родителей, направленное на улучшение генома сперматозоидов отца или яйцеклетки матери. Т.е. действие, которое к лучшему или худшему изменит состояние будущего ребёнка. Естественно, что наступление правосубъектности виртуального (ещё даже незачатого) ребёнка должно наступить ретроактивно в момент рождения на свет. Что это за момент – вопрос второй. Моральную идентичность эмбрионов и плодов конституирует ответственность

Заключение. Моральный статус эмбриона в рамках гражданского общества не может рассматриваться как биологический факт. Он конституируется а) актом *признания* конкретного эмбриона в качестве будущего человека его будущими родителями и удостоверяется биотехнологами; б) действиями (бездействиями) на него родителей, биотехнологов и врачей.